

ТОВОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 11.

15-го марта 1915 г.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Гробъ Спасителя есть дѣло рукъ нашихъ.

Ужасное зрѣлище и событіе! Всемогуцій, Которому со страхомъ служатъ небесныя Силы, отдается въ руки воиновъ. Единый, имѣющій власть вязать и рѣшить, допускаетъ Себя связать. Тотъ, Который имѣетъ нѣкогда судить живыхъ и мертвыхъ, несправедливо осуждается беззаконными судьями. *Отъваяя* небо облаки допускаетъ Себя обнажить. Создатель уязвляется рукою созданія. Сама безчувственная природа возчувствовала и содрогнулась отъ сего ужаснаго зрѣлища: содрогнулось солнце, скрывъ лучи свои около полудня; содрогнулась земля, сотрясшись въ основаніи своемъ; содрогнулись надгробные камни, распавшись на части; раздралась завѣса церковная отъ верхняго края до нижняго; въ минуту смерти Сына Божія содрогнулась даже самая смерть, давъ свободу возстать отъ гробовъ многимъ тѣлесамъ святыхъ!

Возможно ли, чтобы душа вѣрующаго пребыла нечувствительною, созерцая Господа своего, для избавленія ея отъ вѣчной смерти скорбящаго до смерти, молящагося съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами (Евр. 5, 7), подвизающагося до кроваваго пота въ молитвѣ, оставленнаго Отцомъ Своимъ, поруганнаго грѣшниками, покрытаго язвами и окончившаго жизнь Свою смертію злодѣя? Возможно ли, чтобы мы, будучи членами таин-

ственного Тѣла Христова, не страдали, видя Главу нашу изъязвленною остриемъ вѣнца терноваго? Если безчувственная тварь, бывъ неповинна въ смерти Сына Божія, содрогнулась при видѣ Господа и Творца своего, умирающаго на крестѣ, то не будетъ ли она громогласнѣе трубы вопіять въ обличеніе чловѣка, содѣлавшаго собственными руками крестъ и гробъ для Господа своего и нимало не содрогающагося при видѣ страданій и смерти Его.

Да, братіе, гробъ Спасителя есть дѣло рукъ нашихъ. Не одни іудеи съ Пилатомъ низвели Господа во гробъ смертный. Что разжгло огонь Божественнаго правосудія до того, что Богъ не пощадилъ Сына Своего Единороднаго, но предалъ Его на скорби и болѣзни смертныя? Грѣхи наши. Что довело Сына Божія до такой степени истощанія, что не осталось въ Немъ ни вида, ни доброты (Исаіи 53, 3)? Грѣхи наши. Наше лицемеріе заставило Его принимать лобзанія Іудино и слышать привѣтствіе: *радуйся, царю іудейскій* (Матѳ. 27, 29); наша роскошь совлекла со Христа Спасителя и послѣднія одежды; наше сластолюбіе наполнило уста Его оцтомъ и желчію; наши распри и вражда другъ ко другу внушили распинателямъ мысль раздѣлить ризы Его и объ одеждѣ Его метать жребій. Кто послѣ этого, приступая ко гробу Господню, осмѣлится сказать подобно Пилату: *неповиненъ есмь въ крови праведнаго сего* (Матѳ. 27, 24)? Нѣтъ, братіе! Гробъ Господа и Спасителя нашего есть вѣчный памятникъ виновности нашей предъ Богомъ.

Проливая слезы кающихся грѣшниковъ и цѣлуя пречистыя язвы Господа, принесемъ Ему рѣшительное отреченіе отъ своихъ грѣховныхъ страстей и привычекъ. Охваченъ ли кто неутолимою жаждою мірскихъ наслажденій и временныхъ корыстей, пусть припадетъ ко гробу Жизнодавца и, взирая на обнаженное и окровавленное Тѣло Его, скажетъ со вздохомъ: „Господи! Ты — весь въ язвахъ, весь въ болѣзняхъ, весь въ мукахъ за меня грѣшника, — и мнѣ ли предаваться нѣгѣ? Мнѣ ли утопать въ роскоши? Оставляю незаконныя утѣхи и суетныя пріобрѣтенія!“ Если кого надмеваетъ гордость и высокомеріе, тотъ пусть падетъ ницъ предъ гробомъ Господнимъ со словами: „Господи!

Ты, будучи истиннымъ Богомъ, до того уничижилъ Себя, что принялъ образъ человѣка—раба, послушнаго до смерти, и смерти крестной, а я—червь, прахъ, смѣю ли превозноситься? смѣю ли почитать себя великимъ? Вотъ, я сокрушаю идола гордости у гроба Твоего!“ Если кто питаетъ вражду, ненависть, мщеніе къ ближнему своему, пусть припадетъ ко гробу кроткаго и незлобиваго Агнца, пусть вспомнить, какъ Онъ, вися на крестѣ, молился за враговъ Своихъ и скажетъ: „Божественный Другъ человѣковъ! Я слѣдую твоему примѣру и сегодня же примиряюсь съ моимъ врагомъ!“

Единый чистый и нетлѣнный Господи, за неизреченную милость челоѣколюбія животворящая и спасительная страданія воспріемый, крестъ, гвоздія, копіе, смерть: умертви наши душетлѣныя страсти тѣлесныя, да выну хвалимъ, славимъ, поемъ и величаемъ Твое, Христе, спасительное къ намъ снисхожденіе! Аминь.

Свящ. Н. Тихомировъ.

Нравственная цѣнность состраданія.

Состраданіе, по своей психологической природѣ, представляетъ собою одно изъ проявленій симпатіи, выражающееся въ сочувствіи челоѣка страданіямъ подобныхъ ему индивидуумовъ. Для этики оно представляетъ интересъ, какъ одинъ изъ мотивовъ къ нравственной дѣятельности. Цѣнность его въ этомъ отношеніи многими оспаривается; но существуютъ и противоположные взгляды, какъ на примѣръ, взглядъ Шопенгауэра. Онъ признавалъ состраданіе единственнымъ источникомъ и основаніемъ нравственности. Оба эти взгляда представляютъ крайности; на самомъ дѣлѣ нельзя преувеличивать его значеніе, но въ то же время нѣтъ основаній и совершенно обезцѣнивать его во всѣхъ случаяхъ его проявленій.

Основнымъ мотивомъ и источникомъ нравственной дѣятельности чувство состраданія признать, конечно, нельзя, потому что, съ одной стороны, возникновеніе его обуславливается многими сторонними причинами, наличность которыхъ необходима въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Съ другой стороны, взятое въ самомъ себѣ оно не всегда можетъ приводить къ активной дѣятельности на пользу страждущаго и, дѣйствительно, не всегда приводитъ. Вотъ почему людей, сочувствующихъ несчастіямъ ближнихъ, много, но немного стремящихся утолить страданія себѣ подобныхъ.